

Элеонора Лассан, Виктория Макарова

Вильнюсский университет

Каунасский гуманитарный факультет

Muitinės 8, LT-3000 Kaunas, Lietuva

Тел.: (370–5) 271 11 12

E-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt

makarovavv@hotmail.com

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК КОНЕЦ ДЕМОКРАТИИ? (НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «НОВОЙ» РУССКОЙ РИТОРИКЕ)

В статье рассматривается возможность судить об идеологических установках говорящего на основе используемых им отдельных словоупотреблений. Включение употребляемых слов в определенный интердискурс позволяет активизировать идеологическое поле, в котором то или иное означающее приобретает соответствующие идеологические коннотации и ассоциативно связывается с другими означающими из того же идеологического поля. Слова, тождественные по семантике, но имеющие разное происхождение, способны входить в разные идеологические поля. Анализ отдельных словоупотреблений в тексте президента России и документах победившей на выборах 2003 г. партии «Единая Россия», получившей большинство в Государственной Думе, позволяет говорить об изменении политических ориентиров России, причем таком изменении, которое не декларируется эксплицитно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологическое поле, узловые точки, интердискурс, ценностные установки.

11 ноября 2003 г. новостные российские программы показали эпизод выступления президента России В. В. Путина на встрече с работниками муниципальных органов, в рамках которого В. В. Путин произнес следующую фразу: «Демократия на местах – основа народовластия». В последующем выступлении еще несколько раз прозвучало слово *народовластие*. Фраза, содержащая тождественные по смысловому содержанию слова, из которых одно – просто калька другого, тем не менее позволяет говорить об определенных идеологических установках говорящего и, возможно, даже о наличии некоторой «революционной ситуации» в России, проявляющейся в специфических когнитивных процессах, отраженных в дискурсе правящей элиты. Дело в том, что

слова *демократия* и *народовластие* относятся к разным идеологическим полям, или разным дискурсным формациям в терминах французской школы анализа дискурса¹. *Демократия* – одно из ключевых слов политических дискурсов России после 1985 года, отражающих смену политических ориентиров в стране, не использовавшей до этого времени слова *плюрализм*. Советские дискурсы знали выражения *социалистическая демократия* / *народная демократия*, соотносимые с позитивно оцениваемым в этих дискурсах общественным устройством стран Восточной Европы. Означаемое выражения *социалистическая демократия* вступало в оппозитивные отношения с означаемым *буржуазной демократии* по признаку наличие / отсутствие подлин-

¹ Дискурсная формация: во французской школе анализа дискурса совокупность всех возможных высказываний, которые может произвести субъект, занимающий определенную позицию.

ной власти народа. Идее демократии, идущей от древних, отвечало в советском дискурсе первое означаемое, второе же имело лишь внешние признаки, являясь для субъекта советского дискурса своеобразным симулякром, «ложным претендентом» (Платон) на звание демократии. Для отделения истинного феномена демократии от его симулякра использовалось выражение *подлинное народовластие*. Сам термин *народовластие* можно считать «узловой точкой» определенного идеологического поля, идентичность которого задается именно наличием легко опознаваемых «точек пристежки». Согласно известному словенскому ученому С. Жижеку, множество «плавающих означающих», т. е. языковых выражений, идеологические коннотации которых не могут быть опознаны вне их функционирования в соответствующих дискурсах, «структурируется в единое поле внедрением определенных «узловых точек», останавливающих скольжение означающих, фиксирующих их значение – пристегивающих их»². *Народовластие* фиксирует идеологическое поле, в рамках которого актуализируется оппозиция *народ – не-народ*. Референт второго члена оппозиции соотносится с группой, по ряду признаков в сознании субъектов данной дискурсной формации противостоящей народу: «эксплуататорами», «богачами», некогда выделенными в рамках определенной идеологии из состава народа по имущественному и социальному признаку. Представители *народа* и *не-народа* в совокупности составляют *нацию*. (Ср. определение *нации* в МАСе: исторически складывающаяся на основе капиталистического или социалистического способов производства устойчивая общность людей, связанных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и форм быта: *буржуазные нации, социалистические нации*.) В дискурсах советского периода слово *нация* в применении к общности нового типа – *советскому народу*

– практически не использовалось и как слово являлось синонимом *национальности*. Видимо, исторически слово *народ* закрепилось в русском языке за представителями группы неимущих и не имеющих доступа к власти (МАС выделяет четыре значения слова *народ*: 1) население той или иной страны...; 2) нация, национальность; 3) основная трудовая масса населения страны; 4) люди). Именно такое употребление знает художественная практика русских писателей: «Я думал свой народ // В довольствии, во славе успокоить... // Но отложил пустое попеченье: // Живая власть для черни ненавистна... // Вот черни суд...» (Пушкин). «Где *на род*, там и стон... Эх, сердечный! // Что же значит твой стон бесконечный?» (Некрасов). С точки зрения гипо-гиперонимических отношений (или в логике – общих и частных понятий) имя *нация* в таком случае является гиперонимом к гипониму *народ*. Еще одним гипонимом должно было бы быть отсутствующее в русском языке имя группы, имеющей доступ к материальным благам и властным полномочиям. Не-носители названных свойств получают в русском языке также обозначение *простой народ*: референтная группа, соответствующая этому выражению, не обладает, как правило, и образованием, точнее, характеризуется занятостью в сфере, не требующей специального образования. Вторым гипонимом в разные периоды могли выступать имена *дворянство, барство, интеллигенция, эксплуататорские классы* и т. п. Ср. название статьи А. Блока «Народ и интеллигенция», где автор пишет: «Есть между двумя *станами* – между *народом* и *интеллигенцией* – некая черта» (разрядка в цитатах здесь и далее наша. – Э. Л., В. М.). Существующее в русском языке выражение *выйти из народа* означает «перейти в другую социальную группу», а значит, перестать быть *на родом*. О разном объеме понятия, связанного со словом *народ*, в истории русского общественного сознания, избегавшего обращения к слову *нация*, можно судить по двум политическим документам 1917 года:

² ЖИЖЕК, С. *Возвышенный объект идеологии*. Москва, 1999, с. 93.

**От исполнительного комитета совета
рабочих и солдатских депутатов**

3 марта 1917 г.

Товарищи и граждане!

Новая власть, создавшаяся из общественно-умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех реформах <...>. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими Кругами <...>. И мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, — демократия должна оказать ей свою поддержку.

Товарищи и граждане! Приближается полная победа русского народа над старой властью.

Декреты Советской власти

**Обращение Петроградского военно-революционного комитета
«К гражданам России!»**

25 октября 1917 г.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов <...>. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством <...> — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

В первом обращении периода, именуемого буржуазно-демократической революцией, *русский народ* соотносится как с «широкими демократическими кругами» (здесь: представителями «простого народа»), так и с «общественно-умеренными слоями общества». Видимо, такому объединению групп в рамках понятия «народ» способствует и обращение *товарищи* и *граждане*, где первое слово соотносится с референтной группой, представленной в Совете рабочих и солдатских депутатов, а второе — с не включенными в эту группу.

Во втором обращении периода Октябрьской революции исчезает определение *русский* при

слове *народ* (видимо, по причине консолидации представителей разных этнических групп и стремления ликвидировать национальные ограничения, существование которых неизбежно связано с существованием имен национальной принадлежности), а слово *народ* в приведенном обращении именуется суженное по объему понятие, соотносясь с референтными группами солдат, рабочих и крестьян. Иные группы в понятие «народ» не включены.

Учитывая сказанное об объеме понятия «народ», закрепившемся в советских дискурсах, можно мотивировать появление лозунга «Народ и партия едины». На основании представления о народе как группе населения, не обладающей материальными богатствами и властными полномочиями, партия как референтная группа, стоящая у руля власти, из этого понятия должна исключаться, отсюда следует необходимость декларации единства двух общественных групп (допущенных и не допущенных к власти). Декларация такого единства делает мотивированным утверждение о *народовласти* — первая часть этого сложного имени реализует здесь оговариваемое нами значение слова *народ*: «основная трудовая масса населения страны». Само же *народовластие* активизирует в сознании потребителей дискурса другие слова и связанные с ними понятия из соответствующего идеологического поля: *отсутствие эксплуатации человека человеком, социальная справедливость* и т. п.

В выступлении В. В. Путина употреблены два слова из разных идеологических полей. *Демократия* относится к идеологическому полю, где означающее *демократия* соседствует с означающим *свобода*. Ср. замечание представителя партии «Яблоко» С. Митрохина после поражения на выборах 2004 г.: «В России сегодня на площадь никто не выйдет, чтобы защищать **демократию и свободу**» (выделения в цитатах здесь и далее наши. — Э. Л., В. М.). *Народовластие*, как уже отмечалось, входит в другое идеологическое поле, отражающее ценности предшествующего общественно-политического периода. «В нашем общественном сознании, —

пишет известный исследователь политического дискурса А. Н. Баранов, – отчетливо противопоставлены два ценностных полюса, на одном из которых находятся категории СПРАВЕДЛИВОСТИ и РАВЕНСТВА, а на другом – концепт СВОБОДЫ. Остальные ценности тяготеют в политических дискуссиях к одному или другому полюсу»³.

Итак, президент России в одном высказывании употребил слова из разных идеологических полей, активизировав в сознании слушателей определенный политический интердискурс – «сферу памяти говорения», «которая проявляется в виде <...> уже сказанного», некий комплекс дискурсных образований, «область знания, памяти»⁴. Но одно из этих слов, думается, занимает доминирующую позицию при определении идеологических предпочтений говорящего: *демократия* определяет положение на местах, *народовластие* характеризует тип общественных отношений во всей стране. Неоднократное употребление слова *народовластие* в этом выступлении говорит о предпочтениях, отдаваемых президентом определенному идеологическому полю, или определенной дискурсной формации. Когнитивисты могут констатировать в анализируемой фразе явление блендинга – совмещения разных ментальных пространств, вместе с тем когнитивисты, анализирующие риторические средства дискурса, не могут не задать вопрос: почему он так сказал? (один из вопросов, предлагаемых Ч. Филлмором при анализе порождения текста). Предложим свой вариант ответа на этот вопрос: слово произнесено в момент борьбы с «олигархами» (в обыденном представлении – богачами) и коррумпированными представителями власти (на Дальнем Востоке в это время происходит арест крупных чиновников). Слово *демократия* активизирует в сознании потребителя современных полити-

ческих дискурсов имена таких понятий, как *свобода слова*, *права человека*, *презумпция невиновности* и т. п., поскольку является узловой точкой содержащего эти понятия идеологического поля. *Народовластие* же «включает» поле с иными идеологическими установками: всеобщего равенства, общественной собственности на средства производства. Если «демократия» как идеологическое понятие предполагает всеобщие права человека (в том числе и «олигарха»), то «народовластие» как идеологическое понятие «вручает» права одной части нации, именуемой *народом*, и исключает из обладателей прав человека другую часть нации – некогда *эксплуататорские классы*, превратившиеся сегодня в *олигархов*. Таким образом, В. В. Путин употреблением слова *народовластие* подтверждает объявленную олигархам (=эксплуататорам) войну, актуализируя ценности предшествующего 1985-му году периода. Это собственно лингвистическое предположение относительно идеологических установок президента России, сделанное на основе анализа одной его фразы, подтверждается информацией, почерпнутой из рассказа Ирины Хакамады о встрече В. В. Путина с лидером Союза Правых Сил А. Чубайсом:

Вообще я не ссылаюсь на Путина, я там не присутствовала, я ссылаюсь на саму себя, чтобы самой нести полную ответственность. Обсуждалось следующее: правые не знают собственной страны, они не понимают, что олигархи – это зло, и если арест Ходорковского – это событие, то если они знают свой народ, то они должны осудить Ходорковского и сказать, что он гад, сволочь, и комментировать типа «Родины», олигархов всех за решетку и таким образом взять голоса. А если защищают, то никогда никаких голосов не получают, потому что олигархов ненавидит не только интеллигенция обыкновенная, средний народ, но и малый и средний бизнес и никто о них не жалеет, и когда их сажают в тюрьму, то все глубоко равнодушно»⁵.

³ БАРАНОВ, А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания. In *Язык и социальное познание*. Москва, 1990, с. 166.

⁴ ПУЛЬНИНЕЛЛИ-ОРЛАНДИ, Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса. In *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса*. Москва, 1999, с. 214.

⁵ Горячие интервью. 13 декабря 2003 г. <http://www.echo.msk.ru>

Если вслед за А. Н. Барановым принять мысль о том, что революционная ситуация сопровождается специфическими когнитивными процессами, к числу которых относится мобилизация новых ценностей, актуализация ценностей непосредственно предшествующего социально-политического периода, актуализация культурно обусловленных ценностей, имеющих глубокие корни в общественном сознании социума⁶, то следует признать, что произнесенная президентом России фраза намечает контуры такой ситуации. Правда, фраза, соединяющая идеологические поля *народовластия* и *демократии* в сознании говорящего и его слушателей, еще не говорит о радикальном отходе от ценностей периода с преобладанием идеологического поля *демократии*: говорящий словно находится на перепутье, выбирая в качестве доминирующей идеологическую установку, по его представлению, в большей мере соответствующую ожиданиям слушателей.

В гораздо большей степени смена ценностных установок – мобилизация новых и актуализация культурно обусловленных – ощущается в дискурсе лидера победившей партии, именуемой партией власти, Бориса Грызлова. Аналогия с революционной ситуацией в стране возбуждается самими названиями документа: «Обращение IV съезда Политической партии «Единая Россия» к гражданам России». Обращение к *гражданам России* призвано подчеркнуть важность политического момента – подобные обращения в форме дательного падежа (не «Братья и сестры» или «Товарищи и граждане») используются обычно в воззваниях, сообщающих принципиально важную информацию, обладающую силой «принудительного знания» – в последующей деятельности не учитывать его невозможно. Ср. обращение Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России» (25 октября 1917 г.), «К населению» (5 ноября 1917 г.) –

обращение Председателя Совета Народных комиссаров, «Обращение к Советскому народу» (18 августа 1991 г.), подписанное Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР. Впрочем, смена ориентиров обозначена эксплицитно в выступлении лидера партии: «Мы открываем новую страницу истории не только нашей Партии, но и всей нашей страны!» (отметим регулярное написание с прописной буквы не только слова *Президент*, но и слова *Партия*). В документах партии власти, появившихся в период, ознаненный соответствующим обращением, провозглашаются новые идеологические установки, формулируемые следующим образом: «Порядок и справедливость – вот стержневые основы нашей политики». Можно говорить о том, что ключевым понятием документов партии является понятие «порядок» – это слово повторяется в самых разных выступлениях Б. Грызлова и обращениях его партии: «Мы выступаем за порядок и справедливость», «...Крепкая семья – основа государственного порядка», «...Мы должны добиться, чтобы Россия стала страной социальной справедливости и порядка...» и т. д.

Обратимся к анализу концептов, имена которых используются при обозначении политических ориентиров победившей партии. О концепте «справедливость» в лингвистической литературе сказано достаточно много. Нам остается резюмировать сказанное. Как отмечалось выше, «справедливость» как ценность одного типа сознания противопоставляется «свободе» как ценности другого типа сознания в рамках универсума русского общественного сознания. В статье И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева «За справедливостью пустой» отмечается исключительная роль понятия «справедливость» для русского сознания, где оно противопоставлено «законности», причем это противопоставление является столь укорененным, что

⁶ БАРАНОВ, сноска 3.

оно характерно как для сознания «простого» человека, так и для высших государственных чиновников демократической ориентации⁷. Авторы, опираясь на многие тексты А. Солженицына, объясняют это явление неразвитым правосознанием русского человека в целом. Само понятие «справедливости» связывается, прежде всего, с идеей распределения благ, и для него существенны такие смысловые блоки, как субъект распределения, объект распределения (тот, кто получает), ресурс распределения – то, по какому принципу происходит распределение ресурса⁸. «Справедливость» предполагает, что некий «судья» принимает решение в ситуации, которая касается распределения благ или наказаний, и говорящий или другой субъект оценки характеризует это решение как адекватное ситуации⁹, выступая вторым судьей ситуации. Подобная характеристика «справедливости», если она провозглашается идеологической установкой партии власти, побуждает задаться вопросом: кто берет на себя роль «судьи второго порядка»? («А судьи кто?») Ведь справедливость основана не на холодном рассудке и беспристрастности, а на некотором нравственном чувстве, в силу чего одни и те же вещи, рассматриваемые с разных сторон, могут казаться одним людям справедливыми, а другим – нет. Вульгарное представление о справедливости, говорят авторы статьи, «основано на презумпции равновесия между добром и злом как «высшей справедливости»: если кто-то кому-то сделал нечто хорошее / плохое, то *справедливо*, чтобы и ему было хорошо / плохо, а «торжество справедливости приравнивается к восстановлению равенства»¹⁰. Мы не можем отказать себе в удовольствии привести фрагмент из статьи И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева, где авторы иллюстрируют высказанную выше мысль о

справедливости как равенстве пародийной задачей из книги детского писателя Г. Остера «Ненаглядное пособие по математике» (уж очень актуальной кажется она в свете сегодняшних событий в России): *У старшего брата 2 конфеты, а у младшего 12 конфет. Сколько конфет должен отнять старший у младшего, чтобы справедливость восторжествовала и между братьями наступило равенство?* Поскольку понятие «справедливости» неочевидно, а справедливость «плюралистична и рациональна» (исходя из определенной точки зрения, можно легко обосновать «справедливость» тех или иных вещей и, следовательно, существует множество «справедливостей»), «это слово является типичным элементом социальной демагогии»¹¹.

Разделяя сказанное авторами статьи «За справедливостью пустой», обратим внимание еще на одно обстоятельство. Если понятие «справедливости» связано с идеей существования двух *судей* – распределяющего блага и оценивающего «справедливость» распределения, – то согласуется ли внедрение «справедливости» как государственного принципа с установкой на сокращение бюрократического аппарата, провозглашаемое Б. Грызловым в качестве первоочередной задачи партии? (Вопрос о борьбе с бюрократией в документах партии – особый. Здесь скажем только то, что бюрократия предстает не как явление (нечто неодушевленное), а как персонафицированный персонаж современной российской истории, подлежащий уничтожению. «Посмотрим теперь: *кто нам мешает?*» – говорит Б. Грызлов. Ср.: СПС формулирует очередность преодоления препятствий на пути развития России вопросом: «*С чего начать?*»?)

Подводя итог использованию имени концепта «справедливость» в дискурсе «Единой Рос-

⁷ ЛЕВОНТИНА, И. Б.; ШМЕЛЕВ, А. Д. За справедливостью пустой. In *Логический анализ языка: Языки этики*. Москва, 2000, с. 280–292.

⁸ БАРАНОВ, сноска 3, с. 168.

⁹ ЛЕВОНТИНА; ШМЕЛЕВ, сноска 6, с. 285.

¹⁰ ЛЕВОНТИНА; ШМЕЛЕВ, сноска 6, с. 286.

¹¹ ЛЕВОНТИНА; ШМЕЛЕВ, сноска 6, с. 285.

сии», еще раз подчеркнем: 1) этот концепт соответствует культурно обусловленной ценности русского сознания; 2) он не используется в качестве определяющего направление развития общества в период, именуемый периодом реформ; 3) смысловая неопределенность понятия «справедливость», возможность его различных толкований делают слово инструментом социальной демагогии, с одной стороны, с другой – не позволяют ясно представить путь внедрения ценностной установки с таким именем в деятельность государственных и общественных структур – обозначим такой способ определения политической стратегии как «непрозрачный»; 4) названные выше смысловые блоки концепта «справедливость» побуждают предположить, что внедрение «справедливости» как принципа деятельности государственного механизма усиливают иерархическую организацию этого механизма: в нем предполагается место для субъекта распределения благ («судьи» первого порядка), от которого зависит объект распределения, точнее адресат, и место для «судьи» второго порядка, оценивающего адекватность распределения благ понятию «справедливость». Такая иерархическая структура «справедливости» как принципа деятельности предполагает увеличение количества «судей» из числа государственных мужей. В таком случае дискурс, декларирующий осуществление принципа «справедливости» и одновременное сокращение государственного аппарата, оказывается внутренне противоречивым; 5) имя *справедливость* (*социальная справедливость*) активизирует идеологическое поле с такими означающими, как *равенство*, *отсутствие эксплуатации человека человеком*, *народовластие* и т. п.

Перейдем к следующему концепту, определяющему в дискурсе Б. Грызлова идеологические установки его партии. Понятие «поря-

док» не относится к числу ключевых для русской культуры, напротив, наличие ключевого для русской культуры концепта «воля», отражающего представление о существовании, не стесненном никакими социальными узами, явно противоречит ценности, устанавливаемой «порядком». А. Вежицкая приводит мысль А. Амальрика, автора знаменитой пророческой книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», о том, что и слово *свобода* большинством русского народа в силу его исторических традиций понимается как синоним слова *беспорядок*¹². Разумеется, «противопоставление *порядок/хаос* относится к числу фундаментальных оппозиций в системе оценок человеческого восприятия» вообще. Обыденное сознание оперирует этими категориями с незапамятных времен¹³. Тем не менее, в отличие от понятия «справедливость», понятие «порядок» не связано с исконными ценностями русской культуры, – в этом принципиальное отличие русской культуры от культуры немецкой, где концепт «*Ordnung*» ('порядок'), является основой всей системы этических представлений. Романтик Шиллер называл «*Ordnung*» даром небес, благодаря которому возникла цивилизация. Трудно представить русского поэта, боготворящего порядок, – напротив, вполне органичным представляется оброненное Н. Д. Арутюновой, известнейшим русским ученым, упоминание слов Сент-Экзюпери о том, что «жизнь творит порядок, но порядок не творит жизни»¹⁴. Существование концепта «*Ordnung*» в немецком сознании, согласно сложившемуся в гуманитарных науках представлению, коррелирует с характерными для немецкой жизни многочисленными предписаниями и запретами, отражающимися в широко распространенном бытовании в немецкой действительности запретительного знака «*Verboten*» (запрещено)¹⁵. Рассматривая сис-

¹² ВЕЖИЦКАЯ, А. *Семантические универсалии и описание языков*. Москва, 1999, с. 459.

¹³ ШУШКОВ, А. А. В поисках порядка (лингвистические аспекты оппозиции порядок / хаос). In *Лингвистическая прагматика в слове*. Санкт-Петербург, 1997, с. 83.

¹⁴ АРУТЮНОВА, Н. Д. *Язык и мир человека*. Москва, 1998, с. 74.

¹⁵ ВЕЖИЦКАЯ, сноска 12, с. 690.

тему ценностей, выражаемую концептом «*Ordnung*» в немецком сознании, А. Вежбицкая предлагает такой «культурный сценарий» представлений о ценностях:

- А. хорошо, если люди будут знать
какие вещи они должны делать
каких вещей они не должны делать
- В. хорошо, если кто-то скажет
какие вещи люди должны делать
каких вещей они не должны делать

«Если английские культурные сценарии, — пишет А. Вежбицкая, — можно связать с ценностями «личной автономии», то рассмотренные <...> сценарии могут быть связаны с ценностью «общественной дисциплины»...»¹⁶

Думается, что русский «порядок» представлен в сознании носителей культуры несколько иначе. Мы не предполагаем в данной статье дать описание русского культурного сценария «порядка», тем не менее, несколько общих суждений хотелось бы сделать. Русская повседневная жизнь не знает обилия запретительных и предписывающих знаков, русские споры о том, что «что не запрещено, то разрешено», оставляют простор для личной инициативы в решении вопроса о выборе того или иного действия. Русская идея порядка связывается, на наш взгляд, с представлениями о том, что каждый человек должен выполнять установленные функции и каждая вещь должна находиться на своем месте, т. е. в идее порядка реализуется представление о «нормальном» положении вещей. Так, в толковании большинства значений слова *порядок* в МАСе присутствует элемент *правильный, правило*, отсылающий к некоторому нормативному положению вещей: оценочный предикат *правильный* относится к категории нормативности оценок. Соответственно, *беспорядком* считается нарушение нормы: «В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельем, в окне сломана рама, стекла выбиты» (Горький). Для каждого

социума складывается свое понятие нормы, отсюда существует «лагерный порядок», «государственный порядок», «воинский порядок», «уличный порядок» и т. п. Нормы социума могут изменяться, поэтому возможно существование «революционного порядка». В сущности, понятие «порядок» так же, как и понятие «справедливость», обладает высокой степенью смысловой неопределенности. Смыслы, реализуемые в выражениях *устанавливать порядок, наводить порядок, следить за порядком*, говорят о том, что означаемым *порядка* является некое предустановленное (т. е. установленное некогда и кем-то или сложившееся само по себе) положение вещей, которое может нарушаться. Отсюда необходимость в фигуре наблюдающего за порядком, занимающего иерархически более высокое положение по отношению к соблюдающим порядок. (В силу необходимости еще одной структуры, наблюдающей за порядком, тезис о поддержании порядка на государственном уровне также представляется вступающим в противоречие с тезисом о сокращении государственного аппарата.)

В самом общем виде сценарий «порядка» в русском сознании можно представить следующим образом:

- А. люди считают, что у вещей есть свои места
хорошо, когда вещи находятся на местах
- В. люди считают, что человек на каком-то месте
должен делать что-то, что считается
правильным
хорошо, когда человек на этом месте
это делает

Смысловая неопределенность понятия «порядок» связана с тем, что мнения о «норме», «правильности» у людей, представляющих разные референтные группы, могут различаться: «*Но этот беспорядок, свежему человеку казавшийся хаосом, и был тот привычный домашний порядок, нарушения которого больше всего страшился холостяк-бирюк*»

¹⁶ ВЕЖБИЦКАЯ, сноска 12, с. 724.

(И. С. Соколов-Микитов). В таком случае возникает вопрос: о каком смысловом содержании *порядка* идет речь в текстах лидера «Единой России»? О немецком порядке, построенном на системе запретов, на русском порядке, основанном на мнении о норме, в отношении источника которого вопросом не задаются? В последнее время в Интернете мелькает *Русский Порядок*, выражение из идеологического поля Русского Национального Единства: «*Ведь в мире должен быть один Порядок, и он по праву Русским должен быть!*» (Из гимна РНЕ). (Отметим здесь, как и в дискурсе «Единой России», пристрастие к прописным буквам. Существуют и некоторые словесные аналогии в дискурсах «Единой России» и «Русского Национального Единства». Так, например, в тексте «Почему порядок в мире должен быть Русским?» отмечается, что «*Русский народ победит в духовной битве за установление Русского мирового порядка, базирующегося ... на справедливости...*»¹⁷.)

Говоря выше о концепте «справедливость», мы отмечали его соответствие ценностным установкам русского сознания; в таком случае декларация «справедливости» как идеологической установки политической партии предполагает существенный отклик аудитории – носителя такого сознания. Концепт «порядку» неорганичен для русского сознания, хотя в целом существование порядка в русском сознании, безусловно, оценивается положительно – русское выражение *все в порядке* является синонимическим выражению *все хорошо*. Как бы ни относиться к порядку как жизненной ценности, нельзя не признать, что наличие и исполнение установлений делает мир предсказуемым и потому безопасным. Говоря о слове *справедливость*, мы определили его идеологическое поле – нам трудно сделать это в отношении слова *порядок*: практически от-

сутствует интердискурс – память о существующем говорении не активизирует дискурсных образований, в рамках которых *порядок* был бы ключевым словом, «узловой точкой» идеологического поля. Известен «честный и твердый революционный порядку» из дискурса первых месяцев Октябрьской революции, однако представляется, что ключевым для революционной риторики 1917-го года это слово все-таки не было.

И в заключение обратимся к сочетанию слов «*порядок и справедливость*». Можно ли их соотнести с каким-то идеологическим полем? Можно. Характеризуя немецкие слова *Blut* ('кровь') и *Boden* ('земля'), знаменитый немецкий лингвист Х. Вайнрих говорит: «...В немецком языке совершенно невозможно соединить оба эти слова <...>. Дело в том, что оба слова – *Blut* и *Boden* – будучи поставлены рядом, создают друг другу контекст. <...> Контекст *und Boden* детерминирует значение слова *Blut* до нацистского представления, и точно так же значение слова *Boden* детерминируется контекстом *Blut und* в нацистском смысле. <...> Слова без всякой контекстной детерминации не могут лгать, но достаточно уже небольшой детерминации, что-нибудь вроде связки *und*, чтобы слова смогли лгать»¹⁸. Сказанное можно отнести и к соединению слов *Ordnung und Gerechtigkeit* ('порядок и справедливость'). Местом порядка и справедливости задумывался Гиммлером концентрационный лагерь Дахау – обучение, образование и труд должны были сделать заключенных полезными членами общества: «*Die NS-Propaganda präsentierte das Lager als <...> Ort der Ordnung und Gerechtigkeit*» ('*Нацистская пропаганда представляла лагерь местом порядка и справедливости*')¹⁹.

А вот еще более любопытный текст, касающийся непосредственно России:

¹⁷ Почему порядок в мире должен быть Русским? <http://www.mebarkashov.ru/what00.htm>

¹⁸ ВАЙНРИХ, Х. Лингвистика лжи. In *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва, 1987, с. 62.

¹⁹ ZAMECNIK, S. *Zur Geschichte des Konzentrationslagers Dachau*. http://derriere.de./Erinnern/KZ_Dachau_index.htm

Die russische Geschichte berichtet darüber, daß die Bevölkerung Rußlands, der unhaltbaren Zustände in ihrem Lande überdrüssig, die Fremden mit folgenden Worten selbst herbeigerufen hätten: «Unser Land ist groß und reich, aber hier herrscht weder Ordnung noch Gerechtigkeit. Kommt und herrscht über uns».

Ordnung und Gerechtigkeit, das sind die Dinge, nach denen die russischen Völker sich heute noch sehnen. Die Geschichte scheint sich zu wiederholen. Der Aufbau des neuen Rußlands muß mit ausländischen Geldern und Kräften geschehen. Aber dieser Beistand muß in Formen geleistet werden, die das russische Nationalgefühl nicht verletzen. Die Lösung muß genau die gleiche bleiben: Ordnung und Gerechtigkeit! ('Русская история сообщает о том, что население России, уставшее от непрочности положения в стране, обратилось к иностранцам со следующими словами: «Наша страна велика и богата, но в ней нет ни порядка, ни справедливости. Придите и управляйте нами».

Порядок и справедливость – это вещи, на которые народы России сегодня все еще только смотрят. История повторяется. Строительство новой России должно осуществляться с помощью иностранных денег и сил. Но эта помощь должна происходить в форме, ни в коем случае не оскорбляющей национальные чувства. Лозунг должен остаться абсолютно неизменным: **Порядок и справедливость!**)²⁰

Eleonora Lassin, Viktorija Makarova
Vilnius University

“NARODOVLASTIJE” AS THE END OF DEMOCRACY? (SOME THOUGHTS ABOUT “NEW” RUSSIAN RHETORIC)

Summary

The present paper sets out to investigate the possibility of judging the speaker's ideological convictions referring to certain word usage. The act of engaging the words being used into certain interdiscourse allows to activate the ideological

Слова принадлежат Видкуну Квислингу, лидеру норвежских фашистов, в качестве премьер-министра Норвегии активно поддерживавшему гитлеровский режим и расстрелянному по приговору норвежского суда в 1945 году.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что если слово *порядок* не активизирует определенного политического поля, то сочетание *порядок и справедливость* включается в интердискурс, соединяющий тексты различных периодов и различных дискурсных формаций. Включаясь в этот интердискурс, *порядок и справедливость* оказываются узловыми точками легко узнаваемого поля.

Мы не склонны утверждать, что авторы документов «Единой России» знают предысторию некоторых из своих идей. Но здесь хочется привести слова Мераба Мамардашвили: «Глубочайшая ценность европейской культуры заключается в ясном сознании: все, что происходит в мире, зависит от твоих личных усилий, а значит, – ты не можешь жить в мире, где неизвестными остаются источники, откуда к тебе «приходят» события»²¹. Хочется думать, что предложенный анализ эти источники проясняет.

field in which one or another signifier acquires corresponding ideological connotations and it is related to other signifiers of the same ideological field by the means of associations. Moreover, semantically identical words but different in origin tend to belong to different ideological fields. The analysis of separate word usage in the texts of the President of Russia and the party in power affords a possibility to speak about the change in political directions of the country. However, the changes are not presented explicitly.

KEY WORDS: ideological field, junction points, interdiscourse, value

Gauta 2004 01 11

Priimta publikuoti 2004 02 11

²⁰ QUILSLING, V. *Russland und wir*. <http://www.ety.com/berlin/quisling/htm>

²¹ МАМАРДАШВИЛИ, М. *Как я понимаю философию*. Москва, 1992, с. 130.